

Наталья Рапопорт

Набережная исцелимых

Хроника венецианского карантина

В начале февраля 2020 года мы с мужем приехали в Венецию на полтора месяца. Этот срок представлялся тогда астрономическим, но оказался каплей в море, ибо в результате мы провели четыре с половиной месяца в венецианском карантине. Я писала эти записки по ходу вынужденных «карантинных каникул». Эпизоды нашей личной жизни, описанные ниже, неотделимы от событий мировой коронавирусной катастрофы.

1. Из Вены в Венецию через Альпы

Когда пятого февраля мы ехали на поезде из Вены в Венецию, самой большой неприятностью еще казался бушевавший за окном буран, скрывавший невиданной красоты горные пейзажи. Они появлялись в просветах между тучами на какие-то доли секунды, чтобы дать нам понять, зрелище какого масштаба мы теряем на этом семичасовом пути. Это было очередным проявлением нашего еврейского счастья. Мы ехали в Венецию на встречу с дочерью Викторией, которую пригласила преподавать полуторамесячный курс фото-офорта Международная школа графики, с трехнедельной выставкой ее собственных работ.

Справедливости ради надо сказать, что точно на границе между Италией и Австрией вдруг засияло солнце, словно Италия закрыла свою границу для австрийского бурана. Вскоре, наоборот, Вена закрыла свою границу для Венеции. Но об этом позже. Сейчас мне хочется вспомнить первые беззаботные венецианские дни, когда город, не пустой, как в дни карантина, но еще не затопленный нахлынувшей на предстоявший карнавал толпой, являл нам свои невиданные красоты, поделиться Венецией, которая за четыре с половиной месяца стала для меня родным домом, несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие там на нашу долю.

Наталья Рапопорт — почетный профессор университета штата Юта, работает в области химиотерапии рака. Ее повесть «Память — это тоже медицина» была опубликована в журнале «Юность» в 1988 году с предисловием Евгения Евтушенко. Автор книг на русском языке: «То ли быль, то ли небыль»; «Личное дело»; «Автограф» и «Ex Epistolis» (совместно с Марком Копелевым). Печаталась в журналах: «Знамя», «Иностранная литература», «Человек». В 2020 году в издательстве World Scientific Publishing на английском языке вышла ее книга «Stalin and Medicine. Untold Stories» («Сталин и Медицина. Нерассказанные истории»).

В «ДН» печатается впервые.

2. Квартирный вопрос

Сначала несколько слов о наших венецианских квартирах. За четыре с половиной месяца мы сменили три.

Первая была в районе Каннареджо, на набережной Мизерикордия. По совершенной случайности квартира оказалась в трех минутах ходьбы от Викиной Международной школы графики. Диковинное место. Напротив арки через канал Мизерикордия перекинут куда-то не ведущий мостик, упирающийся в глухую стену. Между нашим домом и соседним обнаружилась небольшая щель — широкоплечему человеку, кажется, в ней не развернуться. И вдруг Вика замечает, что из щели выходит человек с супермаркетной сумкой, нагруженной всякой снедью. Сбегала проверить, и действительно: в щели спрятался маленький домашний супермаркет! А серьезный супермаркет оказался минутах в десяти ходьбы, но поди догадайся: на готическом фасаде дивной красоты надпись: «ТЕАТР»!

Сама квартира — сплошной реверанс ренессансу. Интерьер, от которого Вика, вошедшая туда первой, просто застыла на пороге. В прихожей — помутневшее зеркало в ренессансной раме. Рядом с ним мавр венецианский держит лампу-торшер. И мебель соответствующая. Вика получила таким образом прививку перед предстоящим ей переездом в палаццо Дандоло Паолуччи, в комнату, предоставленную пригласившей ее Школой графики.

В переулке, ведущем к большому супермаркету, мы постоянно встречали одних и тех же «односельчан». Меня приглядел довольно пожилой итальянец с лицом, состоявшим из наплывающих друг на друга мешочков, как рисуют гномов. Он приветствовал меня длинной итальянской тирадой. На мое вежливое «нон каписко итальяно» — в ужасе, возможно, и неподдельном, всплеснул руками, схватился за голову, возвел глаза к небу и разразился еще более длинной тирадой, в которой я уловила только одно знакомое слово — «синьора», но перевела ее, думаю, верно: «Уму непостижимо! Синьора, дожившая до таких лет, не понимает по-итальянски!!!» С тех пор «гном» неизменно приветствовал меня длинными итальянскими речами, а я вежливо кланялась и на всякий случай говорила: «Грация милле», хотя не поручусь, что он меня не материл.

Теперь можете себе представить мой шок, когда после Викиного переселения в предоставленное Школой палаццо мы переехали из нашего ренессансного рая во вторую по счету венецианскую квартиру, недалеко от остановки Рива ди Биазо в районе Санта-Кроче.

Если вы страдаете, как и я, топографическим кретинизмом, жить в районе Санта-Кроче я вам не рекомендую. Мой первый самостоятельный поход из дома к остановке вапоретто¹ Рива ди Биазо был близок к полному фиаско. Я моталась по проулкам и подворотням, как крыса в лабиринте. Минут через пятьдесят меня каким-то чудом вынесло на Большой канал в нужном месте, но беда была в том, что даже под угрозой расстрела я не могла бы восстановить свой маршрут. Возвращение домой было еще более драматичным. Пришлось взывать к Виктории, единственной в нашей семье прекрасно ориентирующейся по карте и на местности. Вика облила меня презрением, посоветовала посыпать дорогу хлебными крошками, чтобы маркировать путь, но все-таки нарисовала для меня на бумажке подробную схему. Со схемой в зубах я проделала этот путь четыре раза подряд туда и обратно, с каждой итерацией сокращая время на размышления у очередного поворота. И — запомнила.

¹ Водный маршрутный трамвай, главный вид общественного транспорта в островной части Венеции.

Квартира наша находилась на берегу небольшого канала Сан-Зан-Дегола; ко входу вел ряд колонн. Она стояла дороже, чем предыдущая, поскольку пришлось на дни карнавала и к тому же имела небольшой и совершенно ненужный по погоде садик. Состояла квартира из одной комнаты, совмещавшей в себе без каких-либо перегородок кухню, гостиную и спальню; для туалета, правда, имелась отдельная выгородка.

Гарсоньерка была забронирована только до 29 февраля, потому что после открытия Викиной выставки мы с Володей планировали поехать на какое-то время в Рим. Викина болезнь (о ней позже) и начавшийся венецианский карантин нарушили наши планы, и нам надо было срочно искать третью по счету квартиру. Мне так осточертели поездки на вапоретто к Вике и обратно, что я стала подыскивать жилье по соседству с палаццо Дандоло, куда она переехала. И тут мне неожиданно повезло. Буквально в пяти минутах ходьбы от палаццо обнаружилась доступная по цене квартира с «ванной, гостиной, фонтаном и садом», с двумя спальнями, отдельной кухней, современным сортиром и потрясающим видом из окна, в двух шагах от остановки вапоретто Сан-Тома. После гарсоньерки — немыслимая роскошь и удача! Хозяин, Лоренцо (как впоследствии выяснилось, профессор средневековой литературы) — малоконтактный и вечно спешащий синьор, живущий в Тревизо, — встретил нас на остановке Сан-Тома, поднял наши чемоданы по узкой и крутой каменной лестнице, впустил в квартиру, отдал ключ и, не успели мы оглянуться, исчез, сообщив на прощанье, что остановка вапоретто Сан-Тома с завтрашнего дня закрывается на два месяца на реконструкцию. А как же мы будем передвигаться по городу?! — Пешком. Ближайшая остановка вапоретто примерно в двадцати минутах ходьбы, да его еще надо ждать, да еще и ехать на нем — за это время вы можете дойти отсюда пешком почти до любой точки города. — А если экстренный случай? Такси можно вызвать? — Вызвать можно, но такси сюда не подходит. До стоянки надо будет идти.

Назавтра пристань Сан-Тома действительно огородили глухим забором, перекрыв выход к Большому каналу. Ближайшая пристань Сан-Сильвестро оказалась в двадцати минутах ходьбы, через два мостика со ступеньками. Все это скоро отзовется нам мрачной мелодией, спасибо, что не похоронным маршем.

В этой квартире мы прожили три с половиной месяца, и я сто раз поздравила себя с находкой. У нас была отдельная, только нам принадлежавшая лестничная клетка, что в период эпидемии коронавируса — большое преимущество. Узкая каменная лестница вела от входа на крохотную площадку с двумя расположенными визави квартирами, на расстоянии около метра одна от другой. Другая квартира сначала пустовала: снявшие ее жильцы вовремя сбежали из Венеции. Потом в нее переехала Вика из своего палаццо. На золотой табличке у нашей двери было выгравировано «Канова», у Викиной — «Тьеполо». Вика называла меня «синьора Канова», я ее — «синьора Тьеполо».

3. Праздник на воде. Восьмое февраля

Главное событие февраля в Венеции — карнавал. Я мечтала побывать на венецианском карнавале всю сознательную жизнь и ждала его с нетерпением. Карнавал традиционно открывается двухдневным праздником на воде — парадом ярко разукрашенных лодок и гондол, проходящих по Большому каналу в канал Каннареджо. В этом году праздник на воде пришелся на субботу и воскресенье восьмого и девятого февраля. Мы жили тогда еще на набережной Мизерикордия, и набережная канала Каннареджо была от нас в двух шагах. Жалко было упускать единственную возможность увидеть такое красочное зрелище. Путь, порядок входа и время праздника были регламентированы и широко опубликованы. Предлагавшаяся дорога вела через

бывшее еврейское гетто к трем пунктам входа, открывавшимся в шесть часов вечера. Однако уже с раннего утра по нашей набережной тянулись в том направлении толпы молодежи с бутылками и кошелками, набитыми всякой снедью. Когда мы, законопослушные граждане, в длинной очереди себе подобных достигли часам к семи набережной Каннареджо, там было не продохнуть. Густая толпа не оставляла даже микрона просвета и, продолжая нарастать, оттирала и прижимала нас к стоявшим вдоль канала домам. Гремела музыка, витал густой аромат марихуаны, и кроме спин ничего не было видно. Прямо похороны Сталина. С великим трудом мы стали прокладывать себе путь назад, навстречу все прибывавшей толпе, и кое-как вырвались на простор гетто. Домой вернулись не солоно хлебавши, разочарованные, но довольные, что нас не раздавило, без тени мысли о коронавирусе. Слово это еще не стало самым главным в заголовках газет и передачах всех имеющихся на сегодняшний день в мире средств массовой информации, в разговорах дома и по телефону. Это случится через две недели.

4. Всегда быть в маске...

Вспоминая сейчас, в опустевшей Венеции, ту страшную толчею на набережной Каннареджо, я холодею. Там были в основном туристы и местная зеленая молодежь: более солидная публика на такие акции не ходит. Среди туристов в Венеции, как, возможно, и во всей Италии, и во всей Европе, и во всем мире, в это время года преобладали китайцы. Пренебрегая политкорректностью, объясняю, что «китайцы» в данном контексте — понятие собирательное. А в чем, собственно, дело? У Данелии в свое время *вырезали* из «Мимино» чудесный эпизод (потом, правда, вернули): в гостинице «Россия» на лифте поднимаются вместе Кикабидзе, Мкртчян и японские туристы. И один японец говорит другому, глядя на Мкртчяна и Кикабидзе: «До чего же все эти русские на одно лицо!» Это я к тому, что собирательное понятие «китайцы» использую по необходимости, к расизму это никакого отношения не имеет, о чем решительно заявляю.

Сейчас трудно представить, что в толпе на набережной Каннареджо не было зараженных, и невозможно сказать, скольких соседей по толпе они оплодотворили своим коронавирусом и сколько «оплодотворенных» потом развезли этот вирус по своим местам обитания. В свете того, что мы знаем сегодня, остается только удивляться, что парад гондол восьмого и девятого февраля не имел для Венеции более пагубных последствий, чем те, свидетелями которых мы вскоре стали. Между этими двумя временными точками — парадом гондол и закрытием Венеции на ключ итальянскими властями — расположился Карнавал. Давайте отложим на время разговор о грустном, и я расскажу вам о карнавале.

Сначала немного истории. Венецианский карнавал уходит корнями в Римские сатурналии — праздники урожая, когда рабовладельцы и рабы пировали за одним столом. Традиция эта возродилась в Венеции в Средние века, и уже в 1094 году название «венецианский карнавал» появилось в официальном документе за подписью венецианского дожа.

Основной атрибут карнавала — маски. Венецианская республика была очень богата, а имеющий хлеб хочет зрелищ, предоставляя плодородную почву для всевозможных пороков — адюльтера, проституции, азартных игр, всяческих других правонарушений. Все это желательно было скрывать от семьи и общества, и этой цели как нельзя лучше служили маски.

В средневековье венецианцы имели право носить маски круглый год. Сначала это были «бауты», целиком закрывавшие лицо, с резкими чертами и острым, выступающим вперед подбородком, позволявшим есть и пить, не снимая маски. Скрываться под такой маской было удобно судьям, выносившим суровые приговоры, — они могли не опасаться мести со стороны родственников или дружков осужденных, поскольку

никто не знал их истинного лица. С другой стороны, скрывать свой облик было в равной степени удобно злонамеренным людям, нарушителям морали и закона.

Благодаря маскам в Венеции процветали сексуальные излишества и всяческие преступления. Церковь несколько раз безуспешно пыталась запретить круглогодичное ношение масок. В конце концов удалось свести разрешенный срок к полугоду, с первого дня после Рождества до так называемого «жирного вторника» — последнего дня перед сорокадневным Великим постом, заканчивающимся Пасхой.

Самой распространенной маской, скрывавшей сословие и пол, долго оставалась баута. К тому же она, благодаря своей форме, до неузнаваемости изменяла голос человека. В такой маске было очень удобно безнаказанно посещать игорные дома и бордели. Ею пользовались высокопоставленные особы, любившие анонимно ходить «в народ», ее предпочитал и Казанова — одна из разновидностей бауты так и называется «Bauta Casanova».

С годами маски становились все разнообразнее и красочнее. В середине XV века изготовители масок объединились в гильдию масочных мастеров.

Масок — несметное количество, от искусных и дорогих до ширпотреба. Кроме бауты к маскам «на каждый день» относятся: вольто — маска с классической формой человеческого лица; моретто («немая служанка») — маска из черного бархата, со штырьком, зажимавшимся между зубами (молчащих дам в таких масках предпочитал Казанова). И нельзя не упомянуть маску «доктора чумы». У нее длинный нос, похожий на огромный клюв. Туда помещались специальные целебные травы и благовония: считалось, что они препятствуют заражению доктора чумой; доктор ходил в черном плаще, со специальной палкой, которой поднимал одежду и покровы больных, чтобы не касаться их руками. Наконец, довольно широко были распространены маски кота — гатто и нягго; последняя была популярна у гомосексуалистов и, по существу, являлась их эмблемой.

С маской кота связана забавная легенда. Однажды старый бедный китаец приехал в Венецию со старым котом — своим единственным достоянием. Венецию тогда мучили грызуны, мыши и крысы, разносившие всякую заразу, включая чуму. Китаец со своим котом пришел во дворец дожа, где кот переловил всех мышей. Дож был счастлив и щедро одарил старого китайца. Тот оставил своего кота в подарок дожу, а сам, богатый и счастливый, вернулся домой. Его завистливый сосед удивился глупости дожа, щедро одарившего старого китайца за такую малость, как старый кот, закупил роскошных шелков, поехал в Венецию и преподнес их дожу. Дож был в восторге. Он просто не знал, чем бы взамен одарить гостя, и в конце концов преподнес ему самое драгоценное, что у него было: старого кота. Так кот вернулся в Китай.

А мы вернемся к маскам. Отдельная категория — маски комедии дель арте — бродячих уличных театров эпохи итальянского Возрождения. Здесь знакомые толпе персонажи: Арлекин, Бригелла, Панталоне, Пьеро, красавица-Коломбина — неперенные участники уличных представлений, привычная фабула которых оживлялась импровизациями на местные темы и сплетни (этот трюк гениально использовал Зиновий Гердт в «Необыкновенном концерте»).

В XVIII веке Венецианский карнавал приобрел большую известность и популярность в Европе. На него даже тайком приезжали искавшие приключений члены царствующих фамилий. Под маской все было дозволено: аристократы становились шутами, слуги — графами, короли — бедняками, а дамы высшего света — куртизанками. Все было легко, весело и просто. Во время карнавала маски носили даже монахи и монахини, и многое себе при этом позволяли. Ватикан смотрел сквозь пальцы, потому что Венеция приносила большие доходы церковной казне.

Венецианский карнавал прекратил свое существование в конце восемнадцатого века — его отменил захвативший Италию Наполеон, и возродили его только в 1980 году с коммерческими целями: чтобы привлечь туристов в Венецию в непопулярное зимнее время. Затея удалась: в крохотную Венецию с пятьюдесятью пятью тысячами жителей в феврале ежегодно съезжается полмиллиона туристов.

Я уже создалась, что мечтала о Венецианском карнавале всю жизнь. И вот — свершилось.

Сначала в витринах магазинов и лавочек, да и около них появились красочно одетые манекены. Оказалось, что в этих магазинах можно купить или взять напрокат костюм для карнавала. В шикарные дорогие костюмы — парчу, бархат, драгоценные украшения — обычно были одеты люди пожилые. Молодежь довольствовалась плащами и масками, которыми торговали по доступным ценам сотни лавочек около площади Сан-Марко и по всему городу.

Вскоре костюмированные персонажи были уже на каждом шагу, и душа моя пела. Я давно не испытывала такого подъема и ощущения праздника жизни. За это, наверное, и пришла позже расплата.

Безоблачное счастье продолжалось до воскресенья двадцать третьего февраля. В этот день были внезапно отменены два заключительных дня карнавала и его торжественное закрытие. Ласкавшее слух слово «карнавал» сменилось зловещими словами «эпидемия» и «карантин».

5. Начало итальянского ада

Считается, что итальянский ад начался всего с двух человек — с китайской пары, сбежавшей от объявленного в Ухани карантина. 23 января они прилетели в Милан, откуда поехали поездом в Верону (регион Венето) и Парму (регион Эмилия-Романья), а 28 января — в Рим. На следующий день у обоих начался кашель, потом у мужа поднялась высокая температура; их госпитализировали в больницу Национального института инфекционных болезней, где тест подтвердил коронавирус. Италия мгновенно прервала контакты с Китаем, запретив полеты в обе стороны. Но было, видимо, поздно.

Через неделю, 6 февраля, в Риме заболел вернувшийся из Ухани итальянец, и число зараженных выросло до трех. Все трое выздоровели.

Тем временем 14 февраля в небольшом городе в Ломбардии заболел 38-летний мужчина, встречавшийся с другом, вернувшимся из Китая. 16-го его госпитализировали с затрудненным дыханием, но в том провинциальном госпитале никто не понял, с чем они имеют дело, пациента не изолировали от прямых контактов с медперсоналом. Медперсонал-то и разнес вирус по другим пациентам госпиталя и по всему городу. Происходило это сначала медленно из-за длительного инкубационного периода. Через пять дней, 21 февраля, в Ломбардии было зарегистрировано всего шестнадцать случаев, но на следующий день их было уже шестьдесят.

Как можно было ожидать, инфекция приехала и в Венето, где 22 февраля была зарегистрирована первая в Италии смерть от коронавируса.

Я делаю эти записки 2 апреля, через полтора месяца после первых случаев заболевания в Ломбардии и Венето. На сегодняшний день в Италии заболело больше ста пятнадцати тысяч человек, четырнадцать тысяч из них умерло от вирусной пневмонии. К Ломбардии и Венето присоединилась третья область северной Италии, Эмилия-Романья, куда тоже заезжала первая заболевшая китайская пара.

Интересно, как чувствуют они себя сейчас, эти спасенные в Италии молодые люди, прилетевшие сюда развлекаться из Ухани? Думают ли они о десятках тысяч итальянцев, которым подписали смертный приговор?¹

Я представила вам задник сцены, на которой разворачивались нетривиальные события нашей собственной жизни. Теперь мне будет легче заняться авансценой.

¹ Оказалось, что думают. Недавно они перевели в Римский госпиталь, который спас им жизнь, сорок тысяч долларов. По доллару с небольшим за каждую унесенную итальянским коронавирусом жизнь.

6. Конец февраля — начало марта в Международной школе графики. Мы застреваем в Венеции

Дни конца февраля стоили нам такого физического, психологического и нервного напряжения, что карнавал как-то сразу отошел в прошлое, которому он, собственно, и принадлежит.

Напомню, что Вика должна была давать уроки фото-офорта в Международной школе графики, а с 28 февраля по 20 марта у нее планировалась там персональная выставка. Мы с Володией воспользовались ослепительной возможностью пожить в Венеции рядом с Викой: бывает, что мы ее не видим годами.

По устройству и архитектуре Международная школа графики — типично венецианское пространство: подворотня (по-итальянски «сотопортето») ведет из узкого переулка, через двор, к узенькому проезжему каналу — аппендиксу Большого. В здании над подворотней находится галерея, слева и справа от нее — конференц-зал, библиотека и учебные комнаты. Во дворе, украшенном небольшим садиком, построены просторные рабочие помещения.

В одном из них Вика получила стол для работы. Другие столы, на некотором расстоянии от Викиного, были предоставлены «студентам» Школы, заплатившим за пользование мастерской и обучение. Среди них были люди разных возрастов и художественных направлений, от совсем юных, вроде нью-йоркской модели, удостоенной недавно фотографии в журнале «Вог», до богатой американской старушки Марджори, постоянно проживавшей где-то на юге Италии. Вика как приглашенный преподаватель ничего не платила — напротив, Школа платила ей правом бесплатного проживания в предоставленном ею помещении.

Словно в романах Агаты Кристи, вскоре после нашего приезда у людей, связанных со Школой, наступила полоса грустных, опасных и даже трагических событий. Началось с Элизабет, известного бостонского графика, которую Вика сменила на посту приглашенного преподавателя. Элизабет планировала после окончания срока своей работы поехать по Италии (у нас, кстати, был такой же план). Она составила маршрут будущей поездки, купила билеты, зарезервировала гостиницы, и к ней прилетел из Бостона муж. Но накануне отъезда из Венеции они получили известие, что в Бостоне скоростно скончалась сестра мужа. И вместо поездки по Италии они в тот же день улетели в Бостон. Тогда еще никто не думал о ковиде-19, и самолеты еще летали.

Наше блаженное неведение длилось недолго. Вскоре старушка Марджори, понимавшая по-итальянски, принесла в Школу известие, что в соседней с Венето провинции Ломбардии началась страшная эпидемия нового вируса, привезенного из Китая, и Ломбардию оцепили войска, чтобы предотвратить его распространение по Италии. Но, видимо, опоздали: вирус уже пришел в Венето, в соседний с Венецией городок Во, где тоже началась страшная эпидемия и кто-то даже умер. У Марджори не было сомнения, что Венецию скоро закроют, как Ломбардию, поэтому она уезжает — немедленно, прямо сейчас.

После бегства Марджори в Викином зале кроме нее остались трое: пожилая южнокорейская абстракционистка Сонг, постоянно живущая в Австралии; юная студентка из Рима и уже упомянутая американская модель.

Сонг была невероятно общительная и страшно разговорчивая. В первый же Викин день в Школе она изложила ей всю историю своей шестидесятипятилетней жизни в Южной Корее и Австралии. В течение дня Сонг постоянно пыталась напоить всех чаем, разлитым в сомнительного вида чашки и вскипяченном в чайнике времен, возможно, Тициана, вымазанном всеми видами красок и шлаков. Молодежь от Сонг

отбрыкивалась и исчезала, а Вика стеснялась отказаться, хотя и горько жаловалась на свою судьбу.

А потом Сонг заболела.

Если помните, в субботу 8 февраля мы собирались пойти на парад гондол и забежали за Викторией в мастерскую. В зале были только она и Сонг. Вежливая Сонг, как всегда, встала поздороваться с нами за руку. Я позвала ее пойти с нами на парад, но она сказала, что плохо себя чувствует, и осталась в Школе.

На следующий день у Сонг начался ужасный кашель. Вика говорила, что она кашляет так, словно пытается выкашлять легкие, и жаловалась, что Сонг продолжает ходить в Школу, здороваются за руку, кашляет, не прикрываясь, и поит всех чаем, не отделив своей чашки. Я попыталась — разумеется, безрезультатно — уговорить Вику переждать и не ходить в Школу, пока Сонг не выздоровеет, но единственное, на чем мы сошлись, — Вика принесла в Школу и спрятала свою отдельную чашку. Еще несколько дней Сонг продолжала ходить, потом у нее поднялась высокая температура, и она исчезла, а через несколько дней появилась последний раз — забрать свои вещи. Сказала, что улетает домой по заранее запланированному маршруту, через Барселону, где у нее предусмотрена остановка в испанской графической мастерской (не от Сонг ли пошла барселонская эпидемия?). Сонг улетела, и мы вздохнули с облегчением. Уму непостижимо, но о коронавирусе мы тогда не думали, несмотря на предупреждение Марджори. Мы были безнадежно слепы. Вирус далеко, в Китае. Далекое, в Южной Корее. Не так далеко, как Китай, но все-таки и не близко, в Ломбардии. Довольно близко, но не в самой Венеции — в городке Во. Даже то, что Сонг — южная кореянка и, возможно, летела из Австралии через Южную Корею, где у нее куча родственников, нас в тот момент не насторожило. Все ждали карнавала.

Карнавал вскоре начался, и на узких Венецианских улицах, в переулках и щелях стало не протолкнуться. Встречные дышали вам прямо в лицо, догонявшие — в затылок. Вика по-прежнему вылетала из дому ни свет ни заря, чтобы фотографировать, но жаловалась, что город, как видно, вообще перестал спать: даже около шести утра, во тьме, на улицах полно народа, и многие уже в костюмах. Выпив свой кофе с булочкой, она неслась в мастерскую, где у нее теперь осталось всего двое соседей — студентка из Рима и американская модель, — и оставалась там до ночи.

Тем временем карнавал катился своим чередом. Я составила график, и каждый день с утра мы с Володей ходили в какую-нибудь церковь или музей, а во второй половине дня ехали на вапоретто на площадь Сан-Марко наслаждаться карнавалом, чтобы хлебнуть и от этого праздника жизни.

К двадцатым числам февраля обе остававшиеся в мастерской девочки заболели. «Сонг все-таки всех перезаразила», — сообщила Вика. У римлянки поднялась температура и распухли железки на шее; она уехала к себе в Рим и с тех пор больше не появлялась, хотя вещи ее остались в мастерской (впрочем, связь с Римом вскоре прервалась). А у американской девочки появились типичные аденовирусные симптомы — температура, кашель, заложенный нос и сопли (последнее для ковида-19 как будто не характерно). Как раз в это время ее пригласили участвовать в каком-то нью-йоркском шоу, оплатив ей полет и гостиницу, и она, больная, улетела на несколько дней в Нью-Йорк. Но вскоре вернулась, все еще в сильном кашле и насморке. Я удивлялась, пока не углядела у дверей Школы красивого итальянского юношу, поджидавшего нашу модель. На ее месте я тоже вернулась бы к нему из Нью-Йорка, пусть и в соплях.

А в жизни людей, связанных со Школой, продолжали происходить драматические события. У директрисы галереи, где должна была состояться Викина выставка, внезапно умерла в Лондоне тетя, и ей необходимо было срочно лететь на похороны. Официальное открытие выставки было назначено на 28 февраля, развеска, соответственно, должна была состояться за день до открытия, но в связи со своими

обстоятельствами директриса решила развесить Викины гравюры до отъезда; это было сделано в воскресенье 23 февраля, благодаря чему мы успели увидеть их на стене галереи и даже сфотографировать.

Однако тем же воскресным вечером, как гром среди ясного неба, в Венеции объявили первый коронавирусный карантин. Закрыли все школы, университет, запретили собрания и мероприятия, связанные со скоплением народа; ресторанам и бизнесам еще разрешалось работать, но только до шести часов вечера. Поезда из Венеции тогда еще ходили, но число их резко сократили, и они проскакивали без остановок особо зараженные городки. Этот первый карантин был объявлен сначала только на одну неделю, до первого марта.

На следующее утро после развески картин галерею с Викиной выставкой администрация Школы заперла на ключ, но все еще надеялась на ее открытие; вернисаж, назначенный на 3 марта, теоретически мог еще состояться. Однако первого марта карантин в Венеции продлили до восьмого, а в ночь с 7-го на 8-е правительственным декретом Ломбардию и Венето полностью изолировали, запретив на месте шестнадцать миллионов четыреста шестьдесят тысяч шестьсот тридцать шесть человек, не считая нас троих. Запретили празднования свадеб и скопления скорбящих на похоронах. Передвижение разрешалось только по острой необходимости, подтвержденной справкой из префектуры. Карантин в трех городах провинции Венето — Венеции, Падуе и Тревизо продлили до 3-го апреля. А на следующий день, декретом от 9 марта, его распространили на всю Италию.

Так мы застряли в Венеции.

7. Дом Казановы

В тот воскресный вечер 23 февраля, когда в Венеции объявили о карантине, мы собирались в гости к Кате Марголис. Катя, прекрасный акварелист и незаурядный эссеист, для интеллигентной русскоязычной публики — символ Венеции, чуть ли не наравне с крылатым львом.

Мы провели у Кати чудесный вечер. Она пошла нас немного проводить, и тут меня ждал невероятный сюрприз! Тридцать лет назад, в 1990-м году, в Италии были опубликованы под одной обложкой воспоминания моего папы (журнальный вариант из «Дружбы народов»¹) и моя повесть «Память — это тоже медицина» из «Юности». Книга *Il Complotto dei Camici Bianchi* («Заговор белых халатов», издатель Лука Джантили) была небольшого формата, но с предисловием Риты Монтальчини, единственной в Италии женщины — нобелевского лауреата по физиологии и медицине. Издатель пригласил меня в Италию для презентации книги. По его просьбе я привезла ему неопубликованные тогда лагерные рассказы Юлия Даниэля и написала к ним предисловие. В награду Лука устроил первую в моей жизни поездку в Венецию, и я провела несколько дней в пустовавшей квартире его друга. Я вышла из поезда Милан — Венеция вечером, поднялась на мост Скальци — и почти в голос заревела. Это был шок от увиденной красоты. Я плакала о том, что мои родители этого никогда не видели и уже не увидят.

А папа ведь был так близок! В Венеции в 1966 году был Международный конгресс патологов, и папа был избран председателем Конгресса. Оргкомитет все ему оплачивал: дорогу, проживание, плюс гонорар за доклад. Но советская власть «не успела» оформить ему паспорт... Человек, заменивший папу, не занял его председательского места. Перед пустовавшим папиным креслом стоял красный флажок с серпом и молотом: папе потом передали фотографию. Произошло это вскоре после большого

¹ См. «Дружба народов», 1988, № 4.

наводнения в Венеции, и папа попросил перевести деньги, которые ему причитались, городу в помощь для ликвидации последствий наводнения. У него в архиве хранилось благодарственное письмо, по-моему, от тогдашнего мэра. Вспоминая все это, я стояла на мосту и ревела. Потом непостижимым для себя образом отыскала в Венеции дом и квартиру, где мне предстояло провести три дня. Я запомнила, что из моей квартиры до дома напротив, казалось, можно было дотянуться рукой из окна, и на этом доме была табличка, что здесь то ли родился, то ли жил Казанова.

Потом я не раз бывала в Венеции, искала тот дом, но никогда не могла найти. И стала уже думать, что все это мне приснилось. Но вот мы шли с Катей Марголис, и что-то екнуло в груди. В узких переулках, по которым мы проходили, возникло ощущение дежавю. Я затормозила и рассказала Кате эту историю. Так вот же он! — сказала Катя и указала на угловой дом с табличкой! Это было... не могу я вам передать, что это было! Встреча с самой собой, какой я была тридцать с лишним лет назад. Хорошая, радостная встреча.

А на следующий день после нашего визита к Кате Марголис у нас тяжело заболела Вика. Какой злой рок занес в Венецию из Австралии южнокореянку Сонг Чо?!

8. «За каждый светлый день иль сладкое мгновенье слезами и тоской заплатишь ты судьбе». Конец февраля — начало марта

События моей жизни неоднократно подтверждали вынесенные в заголовок строчки Лермонтова. В нашей венецианской жизни ключевые даты были связаны с личными катастрофами — Викиными болезнями: от них шел у нас отсчет времени. В конце нашего венецианского карантина на этом поприще отличился и Володя.

В понедельник утром, 24 февраля горло у Вики заболело и распухло так, что она не могла ни глотать, ни говорить. Слегка поднялась температура. Состояние ее было ужасное, и на следующее утро, не дозвонившись нам, Вика отправилась пешком из палаццо Дандоло на пьяццале Рома в «скорую помощь», которую высмотрела по интернету. Дорога шла мимо нашей гарсоньерки, и она позвонила в дверь, но я не открыла — думала, что это мусорщики, а мусора у меня не было... В своем жутком состоянии Вика шла в «скорую» пешком, одна. Не могу себе простить.

Пьяццале Рома — ужасное место, с сутолокой огромных рейсовых автобусов и автомобилей, о существовании которых совершенно забываешь, живя в Венеции. «Скорая» находилась в самом конце длинного, невыразительного и даже уродливого здания — а может, мы просто в Венеции отвыкли от такой архитектуры. Над запертой дверью — небольшой, почти незаметный красный крест. Вика постучала, и в двери открылось маленькое окошко, как для кошки. Узнав, что у Вики болит только горло, ее впустили в небольшую комнату, где измерили температуру, выписали на три дня антибиотик, сообщили на всякий случай два номера телефона экстренной помощи и отправили домой, приказав сидеть в изоляции и звонить по указанным телефонам только в том случае, если температура поднимется выше тридцати восьми и пяти. В диагнозе написали: вирусное заболевание. Теста никакого не сделали — таких возможностей у них, видимо, тогда не было.

Пару дней горло у Вики полыхало огнем и болело ужасно; потом полегчало, но заболела голова — очень сильно, до тошноты. Через два дня головная боль прошла, но начался кашель — сухой, несчастый, редкими приступами. Потом и он прекратился, и через неделю Вика, измученная и слабая, была в относительном порядке.

Что это было? По симптомам как будто всё сходится на неосложненном течении коронавирусной инфекции. Без теста ответить на этот вопрос невозможно. Для нас

важнее было, что эта страшная неделя осталась позади, но мне предстоит опять писать о грустном.

В начале марта Вика была еще очень слаба после болезни. На вапоретто она принципиально не ездила, всюду ходила пешком, а пеший путь в мастерскую был длинным, через множество мелких мостиков и большой мост Скальци у железнодорожного вокзала. Впрочем, работать в мастерской все равно было уже запрещено. Я знала, что без работы Вика начнет сходить с ума, поэтому съездила в мастерскую (ключи у Вики были) и привезла ей плату, над которой она работала, и необходимые инструменты. Заодно сфотографировала афишу ее выставки с надписью «Closed» (закрыто).

Вика оборудовала себе рабочее место в большом зале дворца Дандоло, и жизнь понемногу вошла в свою колею.

Дворцов Дандоло в Венеции три. Это была богатая аристократическая семья; потомки ее разъехались по разным палаццо, построенным в основном в конце четырнадцатого века. Самый богатый и красивый дворец Дандоло, около площади Сан-Марко, был куплен и модернизирован в конце девятнадцатого века известным архитектором Даниэли; сейчас там дорогая гостиница «Даниэли». Викин дворец, палаццо Дандоло Паолуччи, гораздо скромнее. Я попыталась найти в интернете какую-нибудь информацию о носителях фамилии Паолуччи и обнаружила двух: известного итальянского футболиста, ныне форварда канадской футбольной команды, и знаменитого искусствоведа Антонио Паолуччи, бывшего директора галереи Уффици, автора многих книг; в Венеции есть улица его имени. Но если бы один из этих Паолуччи приобрел дворец Дандоло в двадцатом или двадцать первом веке, я бы ни секунды не сомневалась, что это — футболист: откуда в наши времена такие деньги у искусствоведа?!

Кстати, о деньгах. Первые два этажа дворца Дандоло Паолуччи, как и Международная школа графики, принадлежат Матильде Дольчетти, пожилой даме аристократической внешности, художнице-акварелистке. Третий этаж — кондоминиум с квартирами. Я сначала думала, что Матильда получила дворец по наследству, от своей семьи или семьи мужа, и продала третий этаж. Оказалось, все не так. Матильда с семьей и деньгами приехала в Венецию из Вены и купила уже описанную «подворотню», где основала Международную школу графики, и два нижних этажа палаццо Дандоло.

На самом нижнем этаже квартира самой Матильды. На первом (в России мы назвали бы его вторым) — огромный дворцовый зал с окнами, выходящими на Большой канал, и громадная дворцовая кухня. Слева от зала — квартиры и комнаты, которые Матильда сдает студентам и приглашенным преподавателям Школы, замыкая таким образом круг талантливо построенного семейного бизнеса. Директорствует там темпераментный и взбалмошный Лоренцо, сын Матильды (не путать с хозяином нашей квартиры). «Школьники» и «резиденты», с одной стороны, платят хозяевам Школы за обучение и право пользования мастерской, с другой, тем же хозяевам — за комнату или квартиру в палаццо. Только тем, кого Школа сама пригласила, жилье в палаццо предоставляется бесплатно.

Вика жила в комнате «для слуг», куда надо было подниматься по узкой деревянной винтовой лестнице без перил и где не было даже интернета. Там можно было только спать. Но это — малая беда. Настоящая беда разразилась 11 марта, и речь о ней впереди.

9. Пришла беда — отворяй ворота. Середина — конец марта

Из памяти полностью ускользнули дни начала марта. Пытаюсь восстановить события по фотографиям этого периода, понимаю, что осваивала новую территорию, ходила в два супермаркета и по пути, конечно, фотографировала.

Из ближнего супермаркета я тащила соки и другие тяжелые продукты, из дальнего — булки, чуть более съедобные, чем в ближнем. В венецианских супермаркетах продают ужасно невкусный хлеб, довольствоваться которым — удел туристов. Итальянцы ранним утром покупают свежий хлеб в специальных булочных. Это ритуал, как и у французов. Такую булочную с вкуснейшим хлебом разнообразной выпечки, яблочным штруделем и другими деликатесами я случайно обнаружила в трех минутах от нашего дома. Часам к десяти, а то и раньше, всё это обычно раскупают. С этой находкой мы почувствовали себя заправскими венецианками. Хозяйка булочной знала нас с Викой по именам и временами давала хлеб в кредит: нас приняли «в стаю»!

После того как Италию 9 марта полностью закрыли, будущее наше стало темно. Мы пребывали в подвешенном состоянии и, конечно, сильно нервничали. По первоначальному плану мы должны были улететь в Штаты 27 марта из Флоренции, но добраться до Флоренции, даже если бы самолеты в Америку оттуда и летали, не было никакой возможности. На самом деле все рейсы отменили, но мы об этом еще не знали. Информация о полетах была рваная, ненадежная и непрерывно менялась: сегодня еще летал, а завтра уже не летал самолет в Лондон; сегодня еще летал самолет в Амстердам, но и его могли в любой момент отменить — и действительно отменили. Мы метались, но все еще надеялись на отъезд, а поскольку потенциально он мог случиться в любой момент, нужно было срочно снять и упаковать Викину выставку, которая все еще висела в запертой галерее.

Школа графики к этому времени терпела из-за карантина полное финансовое фиаско. Нынешние студенты разбежались, будущие — даже записанные на далекий осенний семестр — поголовно прислали отказы; квартиры и комнаты в палаццо стояли пустыми. Дохода никакого не было, а содержание Дворца стоит огромных денег (обогрев одного только второго этажа с парадным залом — девятьсот евро в месяц). Сотрудников Школы хозяевам пришлось уволить.

Упаковка гравюр — дело специальное, требует опыта, мастерства и физических усилий. Викины гравюры обычно большие, размером с хорошую картину маслом. Прошло едва десять дней с тех пор, как она встала на ноги после тяжелой болезни. Я понимала, что одной ей будет очень трудно справиться с упаковкой шестнадцати больших гравюр, и, поскольку профессионально ей никто помочь не мог, предложила свою непрофессиональную помощь. Но надо знать Вику с ее гипертрофированной независимостью. Все жизненные тяготы она выносит исключительно на своих плечах, не прибегая к помощи даже очень близких ей людей. Особенно когда речь идет о физических нагрузках. Худая и хрупкая, она совершает действия, какие мне были не под силу ни в каком возрасте. Помощь принимает только тогда, когда сама о ней просит. Вот и сейчас она довольно резко отказалась от моего предложения: помощь чайников ей не нужна.

В ее отказе был, возможно, еще один нюанс. Мы с Володей в то время передвигались преимущественно на вапоретто, а Вика, как я уже говорила, с самого начала венецианской жизни ходила только пешком. Я была этому рада, потому что с усилением эпидемии ездить на вапоретто становилось все опаснее: маски и перчатки были поначалу необязательны, в дефиците, дорогие, и их мало кто носил.

Вапоретто устроены так: основную площадь занимает просторный закрытый салон, и имеются три небольших открытых пространства: на носу, на корме и в середине, около капитанской рубки — для входа и выхода. В обычной жизни места на открытом воздухе дефицитны и малодоступны. Но с исчезновением туристов вапоретто ходили почти пустые, и я обычно занимала самое козырное место — на носу. Володя

же предпочитает замкнутые пространства и всегда усаживался в салоне, что меня сильно тревожило, особенно если кроме него там был кто-то еще.

В тот день мы стали свидетелями очень неприятного эпизода. Этого человека я видела часто: он производил впечатление бездомного и проводил дни, разъезжая на вапоретто по Большому каналу. Когда мы вошли, в салоне было двое: этот условно «бездомный», сидевший в предпоследнем ряду, и еще один человек — высокий, хорошо одетый джентльмен лет сорока. Мне показалось, что с «бездомным» что-то неладно: он был какого-то синюшного цвета и тяжело дышал, поэтому я железной рукой выволокла Володю на корму. Однако приближалась наша остановка, а к выходу надо было опять пройти через весь салон. Мы уже почти подошли к цели, когда у «бездомного» начался приступ удушливого кашля. К счастью, мы были от него довольно далеко, и он кашлял нам в спину. Володя попытался было оглянуться, но я пулей вытолкнула его на воздух. Высокий джентльмен тоже выскочил из салона и что-то взволнованно сказал девушке, командовавшей причаливанием и отчаливанием, второму члену экипажа. Вапоретто причалил к нашей остановке, мы вышли, и девушка помчалась в салон (без маски). Вылетела оттуда бегом и что-то сказала капитану. Тот выскочил из рубки и тоже понесся в салон (и тоже без маски). Оттуда он вернулся бегом обратно в рубку, схватил какую-то большую трубку — телефон или радио — и стал куда-то звонить. Мы с Володей в это время стояли на берегу и наблюдали за происходящим. Честно сказать, у меня дрожали ноги. Капитан, видимо, получил какие-то инструкции, кивнул трубке, и минут через пять они отчалили.

В тот вечер Вика забежала к нам за сумкой на колесиках, и я рассказала ей об эпизоде на вапоретто. На нее он тоже произвел сильное впечатление, и она на меня прикрикнула: «Куда вас носит! Сидите дома!» Думаю, что в конфликтной ситуации по поводу нашего участия в снятии ее выставки это обстоятельство тоже сыграло роль. Я все еще продолжала безнадежные попытки ее переубедить, когда она уже спускалась по нашей каменной лестнице, в конце которой чума-Аннушка уже разлила подсолнечное масло. Перед двумя нижними ступеньками лестница делает крутой поворот. Вика обернулась, чтобы в последний раз послать меня подальше...

Бывают моменты, когда до полного безумия хочется вернуться в предыдущее мгновение, чтобы перечеркнуть следующее, в котором гремит по ступенькам сумка на колесиках, прихваченная Викой для завтрашней упаковки гравюр, а сама Вика сидит на каменном полу с искаженным болью лицом и слезами в глазах, стонет, стонет и трет, трет правый голеностопный сустав, а он распухает на глазах.

Ужас, который меня охватил, невозможно передать никакими словами. Что это?! Перелом?! Мы оказались в капкане. Катера «скорой помощи» (ambulanza), как предупреждал нас хозяин, подойти сюда не могут. Да и работают они сейчас исключительно на коронавирус, так что, если бы даже и пришвартовались где-нибудь неподалеку и пришли за Викторой с носилками, на этих носилках со стопроцентной вероятностью только что несли в тот же госпиталь коронавирусного больного... Эту перспективу мы отмели сразу.

В принципе, до госпиталя можно было бы доехать на вапоретто, но ближайшая работавшая остановка — Сан-Сильвестро — находилась в двадцати минутах ходьбы здоровыми ногами через два мостика с многочисленными ступеньками. Это полностью исключалось.

Минут через пятнадцать Вике удалось встать на здоровую ногу. Мое предложение подняться с нашей помощью обратно к нам и остаться у нас на ночь она отвергла сразу и только попросила помочь ей добраться до ее палатки. Каким-то чудом мы втроем дотащились до цели. На этаж с дворцовым залом нас поднял лифт. Из зала в Викину спальню «для слуг» вела, как известно, узкая деревянная винтовая лестница без перил. Мыслимо ли это?! Для такого человека, как Вика, оказывается, мыслимо. Сжав зубы, стеной, она эту лесенку преодолела, но сустав страшно распух и начал наливаться разными цветами. Нужна была срочная консультация ортопеда. Кто-то меня надоумил бросить клич на Фейсбуке. Мгновенно откликнулся наш близкий приятель, популярный

лас-вегасский хирург-ортопед Владимир Шварцман, живущий ныне в Юте, в Парк-Сити. Он предложил посмотреть Викину ногу живьем по скайпу, но Вика была уже в постели и от предложения категорически отказалась. Фотографирование травмы отложили до утра.

Нет ничего более рвущего душу, чем запоздалые угрызения. Я ела себя поедом: зачем я так настойчиво предлагала Вике помощь с упаковкой офортов? Она бы попробовала завтра сделать это сама, поняла, что одной ей не справиться, и попросила бы нас помочь (как в конце концов и произошло). А теперь у нее, вероятно, перелом, который у нас нет возможности лечить... Ночью у меня началась тяжелая паническая атака. Только очень ясная мысль, что, если я сейчас отдам концы, погибнут беспомощный восьмидесятивосьмилетний Володя и ставшая беспомощной Вика, заставила меня справиться с паникой.

Утром мы застали Вику уже внизу, в зале. Я сделала несколько фотографий травмированного сустава, похожих на кадры из фильма ужасов Альфреда Хичкока, и отправила Шварцману. Шварцман сказал, что без рентгена сказать наверняка нельзя, но, скорее всего, это перелом такой-то кости и нам надо срочно ехать в больницу, делать рентген и в случае необходимости накладывать гипс; на ногу наступать нельзя ни в коем разе. И уж во всяком случае, нужна установленная профессионально лангета.

Ничего из его указаний мы в наших условиях выполнить, понятно, не могли. Надо было искать выход из положения, не выходя из палатки.

Вторым на мой вопль о помощи откликнулся доктор Саша Чачко. В незапамятные времена мы с ним встречались у Даниэлей, он оказывал помощь Юлию; с тех пор прошло лет тридцать, и вот Саша нашел меня на фейсбуке. Он взглянул на фотографии и повторил почти слово в слово то, что уже написал Шварцман.

Я очень благодарна Владимиру Шварцману и Саше Чачко за искреннее желание помочь. Отлично понимаю, что специалисту-ортопеду трудно взять в толк, что в двадцать первом веке, в цивилизованной стране, мы не можем сделать рентгеновский снимок. Да и как можно не наступать на травмированную ногу? Походы в уборную, к примеру, никто не отменял.

Первый свет в конце туннеля появился на третий день. Мой друг Саша Кабанов связал меня со своей приятельницей Раисой Персидской, чья дочь Настя — хирург в ортопедическом отделении американского госпиталя. «Правильно ли я поняла, что вы хотите, чтобы я без рентгеновского снимка лечила через океан травмированный голеностоп?!» — изумилась ошеломленная Настя. «Да, именно на это мы и надеемся».

Я отправила Насте фотографии и получила от нее первое обнадеживающее письмо и конкретные указания. Поскольку Вика может все-таки опираться на травмированную ногу, это вряд ли перелом — скорее, сильное растяжение или разрыв связок. В любом случае надо делать следующее (стандартное — лед, эластичная повязка, поднятая нога). А в конце — самое важное: ссылки на сайты с картинками нескольких вариантов необходимой лангеты. Я принялась искать такую в местных аптеках. Той порой Вика взяла дело в свои руки: они у нее, в отличие от моих, растут из правильного места. Из выпрошенной мною в супермаркете картонной коробки миглом соорудила себе временную лангету, и жизнь ее сразу заиграла более светлыми красками: стопа была зафиксирована, и походы в туалет или на кухню больше не требовали нечеловеческих усилий.

А на следующий день я купила ей прекрасную пластиковую лангету заводского изготовления.

Через две недели после травмы Вика стала понемногу вылезать на улицу. Сейчас, в середине апреля, спустя полтора месяца, она много, с наслаждением и смыслом гуляет по пустому городу — в настоящее время ее сдерживают не травмированная нога, а ограничивающие наши передвижения карабинеры. Хочется верить, что в обоих случаях — и с ногой, и с коронавирусом — все худшее позади.

По фейсбуку нам еще долго продолжали поступать разнообразные невыполнимые советы.

(Окончание читайте в 12-м номере)